

**«Вы сами можете убедиться в том, что германские солдаты прилично
обращаются с вами»: Из истории оккупации
Воронежской области в годы Великой Отечественной войны**

В 1942–1943 гг. на территории Воронежской области развернулись ожесточённые боевые действия. Как хорошо известно из историографии, воронежская земля стала ареной для планирования и последующего осуществления таких стратегических операций, как Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская, Воронежско-Харьковская и др. Несмотря на, казалось бы, основательную изученность данной тематики, она по-прежнему вызывает большой интерес у исследователей¹.

Накануне Великой Отечественной войны Воронежская область представляла собой развитый индустриально-аграрный регион и важный арсенал обороны страны². В её составе находилось 83 района, 29 из которых с июля 1942 г. были полностью захвачены гитлеровскими войсками и их союзниками. В общей сложности на оккупированной территории оказалось около миллиона воронежцев (из 3,5 млн областного населения накануне войны), преимущественно женщин, стариков и подростков. Несмотря на первоначально декларируемые в листовках якобы политические цели – «германская армия ведёт борьбу исключительно против большевизма», – по отношению к местному населению и пленным красноармейцам захватчики установили режим насилия и террора. За полгода жертвами оккупационного режима стали почти 200 тыс. человек.

На подконтрольной территории создавались новые органы власти – городские и районные управы, магистраты. В городах главенствовали бургомистры, в сельской местности – старосты, выбирать которых изначально рекомендовалось из людей «знакомых и пользующихся наибольшим доверием» у населения³. Им предстояло осуществить учёт и регистрацию всех жителей⁴. Поскольку линия фронта проходила через территорию Воронежской области и здесь было сосредоточено большое количество войск, гражданская администрация играла лишь вспомогательную роль. Главное же значение имели военные комендатуры, которые регулировали течение всей жизни на оккупированной территории. Так, осенью 1942 г. Россошанская районная военная комендатура ввела комендантский час с 5 утра до 5 вечера. За появление на улице в неустановленное время полагался штраф в размере 150 руб. Кроме того, жителям вменялось в обязанность проводить обязательное затемнение освещённых помещений и маскировку против видимости самолётов⁵. Наблюдение, а также взимание штрафов осуществляла городская полиция. Служившие в ней местные жители давали подписку о

добровольности поступления, обязательство беспрекословно выполнять приказы по службе и не разглашать служебные секреты⁶. Штат полицейских учреждений насчитывал полтора десятка должностей, которые хорошо оплачивались. К примеру, оклад начальника Россошанской вспомогательной полиции составлял 688 руб. в месяц, его заместителя 480 руб., следователя 420 руб., машинистки 150 руб. и т.д. У каждого сотрудника из этих сумм вычитался подходящий налог в размере 10 %⁷.

На территории оккупированных районов выходило несколько коллаборационистских периодических изданий: «Острогожский листок», «Россошанский вестник», «Новая жизнь» и др., которые распространялись по подписке и через розничную торговлю. Цена экземпляра колебалась от 50 коп. до 3 руб. Большинство немецких оккупационных газет придерживались тезиса о превентивности войны Германии против СССР, обвиняя в развязывании войны Советский Союз⁸. Как правило, все подобные издания были типовыми – они содержали официальные сведения германских властей, информировали о положении на фронте, включали в себя очерки о различных аспектах построения «новой жизни».

Отличительной особенностью коллаборационистских газет являлась их антисемитская тематика вперемежку с религиозной риторикой. К примеру, «Острогожский листок» от 16 сентября 1942 г. опубликовал материал архиепископа острогожского и валуйского преосвященного Алексея с характерным названием «Сгинула жидовско-сатанинская нечисть». В ней священнослужитель отмечал многократно возросший интерес местных прихожан к посещению храмов, на примере кафедрального Ильинского, что при советском режиме даже представить было затруднительно. «За два месяца в Острогожском и Валуйском районах открыто 15 храмов, и верующие с небывалым подъёмом стремятся в Божий храм. – утверждалось в заметке. – Милосердный Господь в лице благороднейшей личности Адольфа Гитлера дал спасение церкви и избавление от жидовского ига православному русскому народу»⁹. Корреспондент «Россошанского вестника» Я. Анисимов в августе 1942 г. даже посвятил этому стихи: «Как спастись от жидовской напасти? / Как конец положить болтовне? / Не иначе как сменой власти / В нашей русской забитой земле. / Адольф Гитлер придёт и развеет / Большевистско-жидовскую рать / И в стране нашей быстро сумеет / Жизнь и счастье народам создать»¹⁰

Однако несмотря на все старания, русской коллаборационистской прессе не удалось внушить подавляющему большинству населения оккупированных территорий доверие к «новому порядку». Положение на фронтах и зверства оккупантов резко контрастировали с содержанием публикуемых материалов. Идеология германского национал-социализма и его

политическая практика не стали для большинства советских людей, оказавшихся на временно оккупированной территории, привлекательной альтернативой сталинскому режиму¹¹.

Акты о преступлениях оккупантов составлялись сразу по горячим следам после освобождения территории региона войсками Воронежского фронта, для чего искали и опрашивали очевидцев. Только с января по февраль 1943 г. было составлено 300 актов о зверствах, которые подписывались представителями гражданской и военной властей. После освобождения области преступления оккупантов были тщательно задокументированы комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Жестокости захватчиков не было предела. Карали по подозрению за участие в партизанском движении, за несвоевременный выход на работу, за хождение по улице в неположенное время, а одну из жительниц, показавшую мадьяру кукиш в ответ на бравое им заявление о захвате Сталинграда, расстреляли на месте¹². На территории оккупированных районов массово устраивались десятки концлагерей, где мирных жителей и красноармейцев морили голодом, зверски издевались и в конечном итоге убивали. «Каждое утро и вечер в [колхозном] поле трещали немецкие автоматы и раздавались стоны советских граждан»¹³, – свидетельствовали очевидцы из Кантемировского района. На тех, кто пытался принести умирающим от голода военнопленным кусок хлеба, натравливали собак.

Жизнь обывателей в оккупации превратилась в настоящий кошмар. Сплошь и рядом их мобилизовывали на принудительные работы. Молодая учительница Раиса Тищенко из Богучара вспоминала, как её неоднократно отправляли на работу в комендатуру, заставляли рыть 1,5 метровые траншеи, очищать дороги и улицы города от кирпичей. По словам девушки, питание отсутствовало, одеждой и обувью не снабжали, вместе с тем, работать приходилось по 12 часов в сутки. Обращение немцев к работающим отличалось жестокостью и сопровождалось многочисленными избиениями, насилием и расстрелами¹⁴.

Примером дорожного строительства служит начавшееся летом 1942 г. в Острогожском районе сооружение 35-километрового железнодорожного участка, который по задумке немецкого командования позволил бы соединить Харьковскую магистраль с линией Ростовских железных дорог в обход крупной узловой станции Лиски, прочно удерживаемой советскими войсками. Железнодорожный отрезок Острогожск – Евдаково позволил бы наладить нормальное снабжение частей вермахта в Сталинграде и на Кавказском направлении. Строительство «Берлинки» или «Дороги на крови»

осуществлялось силами военнопленных из размещённых поблизости концентрационных лагерей. Продолжавшаяся до января 1943 г. стройка унесла жизни сотен и тысяч невинных людей.

Длившаяся полгода оккупация западных и южных районов Воронежской области нанесла огромный материальный ущерб населению, хозяйству и культуре региона, который по некоторым оценкам превышал 15 млрд руб. Невосполнимы демографические потери. Коллаборационизм воронежцев не получил сколь-нибудь широкого распространения. Активно сотрудничавших с врагом граждан было абсолютное меньшинство. Стойкость, мужество, подлинный патриотизм воронежцев сыграл большую роль в этот тяжелейший период, и позволил внести существенный вклад в Великую Победу, 75-ю годовщину которой мы отмечаем в этом году.

¹ Воронежская область в годы Великой Отечественной войны: библиографический указатель / сост. В.В. Поляева. Воронеж, 2018. За период 2010–2018 гг. справочник содержит указания на более чем тысячу публикаций.

² Шамрай В.А. Воронежская область в Великой Отечественной войне. Исторический очерк. Воронеж, 2014. С. 3.

³ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 9. Оп. 8. Д. 110. Л. 27.

⁴ Подробнее об административном аспекте гражданского коллаборационизма см.: Ермолов И.Г. Самоуправление на оккупированных территориях РСФСР // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 16–21.

⁵ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 9. Оп. 8. Д. 110. Л. 21.

⁶ Там же. Д. 111. Л. 108.

⁷ Там же.

⁸ Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917–2000). М., 2002.

⁹ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 8 об.

¹¹ Грибков И.В., Молчанов Л.А. Русские газеты на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 152–153.

¹² Архив УФСБ России по ВО. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 72 об.

¹³ Там же. Л. 79.

¹⁴ Филоненко С.И. Война на Воронежской земле 1942–1943 гг. в документах Красной армии, вермахта и войск сателлитов: в 5 т. Воронеж, 2014. Т. 5. Воронеж, 2019. С. 17.